

حي الأسود

Ельзана Соболєва

عادل

Его черная
любовь

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ульяна Соболева

Халид. Его черная любовь

<https://litres.ru/73821439>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я познакомилась с парнем в Эмиратах, влюбилась, а он продал меня в рабство жуткому монстру. Шейх Халид - нефтяной магнат, человек, которого боятся и преклоняются, но никто не знает, что он социопат, и жестокий псих, шейх превратил мою жизнь в ад, поселив в нелегальный гарем и сделав меня своей любимой игрушкой, но я намерена выжить и выдрать свое место под солнцем даже в этом пекле!

Ульяна Соболева

Халид. Его черная любовь

ХАЛИД. ЧЕРНАЯ ЛЮБОВЬ

Я познакомилась с парнем в Эмиратах, влюбилась, а он продал меня в рабство жуткому монстру. Шейх Халид - нефтяной магнат, человек, которого боятся и преклоняются, но никто не знает, что он социопат, и жесокый псих, шейх превратил мою жизнь в ад, поселив в нелегальный гарем и сделал меня своей любимой игрушкой, но я намерена выжить и выдрать свое место под солнцем даже в этом пекле!

От автора: Очень жестоко, темный, дарк роман. Очень откровенно, больно и обжигающе. НЕ ИСКАТЬ ЕДИНОРОГОВ!

ГЛАВА 1

Катя

Моя комната. Моя проклятая, до боли знакомая комната в трёшке в Бутово. Стены, пропахшие детством, несбывшимися надеждами и дешёвыми обоями, теперь казались мне тесной тюремной камерой, из которой я вот-вот вырвусь. За окном — безликие громады многоэтажек, унылые, словно отражение моей жизни до этого момента, давили на глаза, высасывая последние крохи воздуха. Но сегодня... сегодня всё иначе. Сегодня я держу в руках свой паспорт, а в нём — виза. Виза в Дубай. В мой личный, обманчивый рай, который вот-вот обернётся адом. Я ещё не ведала этого, конечно. Я была наивной дурой, что верит в сказки, в те сладкие, лживые сказки, что мне втюхивали с детства.

Пальцы дрожат, когда я листаю глянцевые журналы. Ше-

лест страниц, на которых застыли идеальные картинки: небоскрёбы, пронзающие облака, как фаллосы власти, лазурные бассейны, сливающиеся с горизонтом, девушки с идеальными улыбками, потягивающие коктейли на белоснежных яхтах. Инстаграм. Бесконечная лента чужой, недосяжимой роскоши, которая пожирала меня изнутри. Я впитывала её, как губка, жадно, до боли в глазах, до судорог в животе. Представляла себя там. Другой. Свободной. Важной. Не этой серой мышью из Бутово.

Мне девятнадцать. Девятнадцать лет, и я задыхалась в этой московской серости, в этом болоте обыденности. Каждый вдох — это пыль, каждый выдох — тоска, которая разъедала лёгкие. Я хотела большего. Я жаждала. Жаждала жизни, которая не будет похожа на бесконечный день сурка, на карусель бессмысленных повторений. Мои мечты — это не просто мечты. Это крик души, это бунт против обыденности, против предопределённости, против того, чтобы быть никем. Я не хотела быть одной из миллионов. Я хотела быть собой. И Дубай... Дубай казался мне ключом. Ключом к новой, захватывающей, моей, собственной жизни.

Я смотрела на своё отражение в зеркале. Девятнадцатилетняя девчонка с большими серо-голубыми глазами, в которых пока ещё плескалась наивная вера в добро, в справедливость. Тёмно-русые волосы, собранные в небрежный пучок, словно я пыталась спрятать свою дикость. Никакого макияжа, кроме туши на ресницах. Скромная футболка, старые

джинсы. Обычная. До тошноты обычная. Но внутри меня горел огонь. Огонь, который вот-вот вырвется наружу, сжигая всё на своём пути. Или сожжёт меня дотла, оставив лишь пепел.

На стене, прямо над моим столом, висел коллаж. Вырезки из журналов, распечатки из интернета. Бурдж Халифа, устремлённый в небо, как игла, пронзающая плоть. Пальма Джумейра, раскинувшая свои искусственные ветви в лазурной воде, словно щупальца неведомого чудовища. Футуристические здания, чьи формы казались невозможными, но они стояли, бросая вызов гравитации и здравому смыслу. Это был мой алтарь. Алтарь моим мечтам. Моим амбициям. Я проводила часы, разглядывая эти картинки, представляя, как мои собственные проекты однажды займут место среди них. Я видела себя там, в этом мире стекла и стали, создающей что-то вечное, что-то, что переживёт меня. Мои руки, мои мысли, моё воображение — всё это рвалось наружу, жаждало воплощения. Я чувствовала, что во мне скрыта огромная сила, огромный потенциал. И Дубай должен был стать катализатором. Искрой, которая разожжёт этот огонь. Или сожжёт меня дотла.

Семейный ужин. Последний. Я ещё не знала, что он последний в моей прежней жизни, в этой иллюзии нормальности. Мама, Ирина, сидела напротив, её глаза, такие же серо-голубые, как мои, полны тревоги, которая душила меня.

Она теребила край скатерти, её губы сжаты в тонкую нить, словно она пыталась удержать крик.

— Катюш, у меня плохое предчувствие,— её голос дрожал, как струна, натянутая до предела. — Может, не надо? Может, останешься? Ну, куда ты одна, с этими девчонками...

Я отмахивалась, раздражённая до предела.

— Мам, ну что ты начинаешь? Мне девятнадцать! Я не маленькая! Какие «одна»? С Лерой и Настей! Мы же всё спланировали!— Мой голос звучал резче, чем я хотела, словно удар хлыста. Чувство вины кольнуло, как игла под кожу, но я тут же подавила его. Я не могла позволить её страхам заразить меня, отравить мою решимость. Я должна быть сильной. Должна быть взрослой. Должна быть, свободной.

Мама вздохнула, её взгляд скользил по моему лицу, пытаюсь найти хоть какую-то трещину в моей решимости, хоть малейший намёк на сомнение. Но я не давала ей этого шанса. Я держалась. Держалась изо всех сил, потому что знала: если я сейчас дам слабину, она меня не отпустит. А я должна лететь. Должна. Это не просто желание, это потребность, которая жгла меня изнутри.

Отец, Андрей, сидел во главе стола. Он молча ел, но я чувствовала его взгляд, тяжёлый, словно свинец. Он всегда был моей опорой, моим молчаливым защитником, моей стеной. Его присутствие — это стена, за которой я чувствовала себя в безопасности, в иллюзии безопасности.

— Взрослая уже,— наконец произнёс он, его голос глухой,

словно удар колокола, но в нём не было осуждения. Только принятие. И это давало мне силы. Или иллюзию силы. Он всегда понимал меня лучше, чем мама. Он видел во мне не просто дочь, а личность. И это было бесценно.

Брат, Максим, сидел рядом, уткнувшись в телефон. Ему двадцать два, и он вечно завидовал моим приключениям, моим мечтам.

— Вот бы мне так,— бормотал он, не отрываясь от экрана, его голос полон зависти. — В Дубай... А я тут, в этой дыре.

Я усмехнулась. Он не понимал. Никто из них не понимал, что для меня это не просто поездка. Это побег. Побег от себя прежней. Побег от этой серости, от этой predeterminedности, от этой жизни, которая душила меня.

Я смотрела на маму. Её глаза полны слёз, которые вот-вот хлынут.

— Обещай, будешь осторожна,— шептала она, её голос ломался. — Обещай, что будешь звонить каждый день.

— Обещаю, мам,— сказала я, и это прозвучало как клятва. Клятва, которую я не смогу сдержать. Клятва, которая будет преследовать меня в кошмарах. — Десять дней, мам, вернусь быстро.

Десять дней. Как же я ошибалась. Эти слова, сказанные с такой лёгкостью, станут для меня проклятием, настоящим проклятием, которое будет висеть надо мной, как дамоклов меч.

Мои мечты. Они были единственным, что держало меня на плаву в этом болоте обыденности, в этой трясине. Я видела себя успешным архитектором. Не просто чертёжником, нет. Я хотела проектировать небоскрёбы. Создавать что-то монументальное, что-то, что будет стоять веками, пронзая небеса, словно вызов богам. Что-то, что будет кричать о моей силе, о моём таланте, о моей воле.

Дубай для меня был не просто городом. Это был символ. Символ будущего. Символ амбиций. Каждый раз, когда я смотрела на фотографии Бурдж Халифа, на эти футуристические башни, на эти искусственные острова, моё сердце замирало, словно пойманная птица.

— Когда-нибудь я спроектирую такое, — шептала я себе, и этот шёпот был молитвой. — Моя жизнь будет такой же яркой, такой же амбициозной, такой же дерзкой, как эти небоскрёбы.

Я видела себя частью этого будущего. Частью этого мира, где нет места серости и унынию, где нет места мне прежней.

Я хотела оставить свой след. Не просто жить, а создавать. Мои руки, мои мысли, моё воображение — всё это рвалось наружу, жаждало воплощения, словно дикий зверь, запертый в клетке. Я чувствовала, что во мне скрыта огромная сила, огромный потенциал. И Дубай должен был стать катализатором. Искрой, которая разожжёт этот огонь. Или сожжёт меня дотла.

Я представляла, как буду ходить по улицам, зарисовывать

каждую деталь, каждый изгиб, каждую линию. Как буду впитывать эту энергию, эту дерзость, эту смелость, которая была ключом в этом городе. Я хотела, чтобы Дубай стал моим вдохновением. Моим учителем. Моим... началом. Я была так уверена. Так наивна.

Сборы чемодана. Это был целый ритуал, церемония прощания с прошлой жизнью. Каждая вещь выбиралась с особой тщательностью. Не потому, что я хотела выглядеть модно. Нет. Я хотела выглядеть достойно. Скромная, но стильная одежда. Джинсы, несколько лёгких платьев из Zara, пара футболок. Никаких кричащих цветов, никаких глубоких декольте. Я не искала приключений. Я искала вдохновения. Я искала себя.

На дно чемодана я аккуратно уложила свои сокровища: книги по архитектуре, толстый альбом для скетчей, набор акварели. Мои инструменты. Мои крылья. Я планировала зарисовать все архитектурные чудеса, которые увижу. Каждый штрих, каждая линия должны были стать частью моей будущей карьеры. Моей будущей жизни.

Я представляла, как буду сидеть на террасе какого-нибудь кафе, с видом на залив, и рисовать. Как буду чувствовать себя частью этого мира, но при этом оставаться собой. Своей. Я хотела сохранить свою индивидуальность, свою чистоту, свою наивность. Я не знала, что именно эта чистота и наивность сделают меня идеальной жертвой. Идеальной, безза-

щитной жертвой.

Я проверила всё несколько раз. Паспорт, билеты, деньги. Всё на месте. Всё готово. Моё сердце колотилось от предвкушения, словно барабан перед казнью. Это было не просто путешествие. Это было паломничество. Паломничество к моей мечте. Или к моему аду.

Прощание в аэропорту. Слезы мамы. Её объятия, такие крепкие, что я едва могла дышать, словно она пыталась удержать меня силой.

— Десять дней, мам, вернусь быстро,— шептала я, пытаюсь успокоить её, но больше, наверное, себя. Чувство вины смешивалось с предвкушением приключений, создавая странный, горько-сладкий коктейль, который обжигал горло. Я чувствовала себя предательницей, оставляющей её одну с её страхами. Но я не могла иначе. Я должна была лететь. Должна.

Отец молча поцеловал меня в лоб. Его глаза были полны невысказанной тревоги, которая давила на меня. Максим обнял меня неловко, буркнув что-то про сувениры. Я улыбнулась им всем, пытаюсь показать, что всё будет хорошо. Что я сильная. Что я справлюсь. Что я выживу.

Я прошла через рамку металлоискателя, оглянулась. Мама всё ещё стояла там, маленькая, одинокая фигурка, машущая мне рукой. Её лицо было искажено слезами, словно она уже знала, что я не вернусь прежней. Я помахала в ответ, и

в этот момент что-то внутри меня сжалось, словно пружина. Предчувствие? Или просто обычная тоска по дому? Я не знала. И не хотела знать. Я хотела только одного — вперёд. Вперёд, к моей мечте. К моей судьбе.

В самолёте. Рядом Лера и Настя. Смех, селфи, волнение. Девичьи разговоры о парнях, моде и будущих приключениях, которые казались такими далёкими и нереальными.

— Ой, Кать, смотри, какой красавчик! — Лера тычет пальцем в журнал, её глаза горят. — Надо найти тебе арабского принца!

Настя хихикала, её смех звенел в ушах. Я улыбалась, но внутри меня что-то ёкало, словно колокол бил тревогу. Принц. Арабский. Как же они были правы. И как же они, наивные, ошибались.

Я смотрела в иллюминатор. Облака. Бесконечные, пушистые облака, плывущие под нами, словно ватные одеяла. Я чувствовала себя птицей, вырвавшейся из клетки, но не знающей, что её ждёт капкан. Впервые без родителей. Впервые по-настоящему взрослая. Ощущение свободы и взрослости опьяняло, словно дешёвое вино. Это начало. Начало чего-то нового и захватывающего в моей жизни. Я была уверена в этом. Я чувствовала это каждой клеточкой своего тела, каждой жилкой.

Я не знала, что это начало моего ада. Я не знала, что эта свобода обернётся самым страшным пленом. Я не знала,

что этот «принц» окажется монстром, который будет наслаждаться моей болью. Я не знала, что моя жизнь, которую я так жаждала, будет вырвана у меня с корнем, словно гнилой зуб. Я не знала, что я буду молить о смерти, но не получу её. Я не знала, что я буду любить своего мучителя, монстра, который ломает меня.

Я просто смотрела в облака и улыбалась. Наивная дура. Моя жизнь только начиналась. И она будет такой, какой я её себе представляла. Я так думала. Я так верила. И это было моим самым страшным проклятием. Моим личным проклятием.

ГЛАВА 2

Катя

Жара ударила по лицу, словно пощёчина. Влажная, вязкая, тяжёлая — она обволакивала тело, проникала под кожу, лезла в лёгкие, вытесняя воздух. Я вышла из самолёта и замерла на трапе, ослеплённая солнцем, которое било в глаза, как прожектор на допросе. Дубай. Я здесь. Я, наконец, здесь, в этой обетованной земле, в этом городе моих мечтаний. Сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот вырвется из груди, оставив меня пустой оболочкой.

Аэропорт встретил нас ослепительной роскошью, от которой захватывало дух и кружилась голова. Золото. Везде зо-

лото. Оно сверкало на колоннах, светильниках, даже на урнах для мусора, словно здесь даже отходы должны были купаться в роскоши. Мрамор под ногами был настолько отполирован, что отражал моё лицо — лицо девчонки с горящими глазами, в которых плескался восторг и наивная вера в чудеса. Кондиционированный воздух пах дорогими духами и чем-то восточным, пряным, незнакомым — ароматом, который обещал приключения и тайны.

— Офигеть! — выдохнула Лера, её глаза были размером с блюдца. Она крутила головой, пытаясь охватить взглядом всё это великолепие сразу. — Это же просто космос! Кать, смотри!

Настя уже доставала телефон, щёлкая селфи на фоне огромного фонтана, расположенного прямо посреди зала прилёта. Вода танцевала под музыку, переливаясь всеми цветами радуги, создавая гипнотическое зрелище, которое завораживало и пугало одновременно.

Я стояла, впитывая всё это великолепие, как губка. Толпы людей всех национальностей, говорящих на разных языках — арабский, английский, хинди, китайский — это был Вавилон, место, где смешивались культуры и судьбы. Мужчины в белоснежных кандурах, женщины в чёрных абаях, туристы в шортах и футболках. Я чувствовала себя маленькой песчинкой в этом огромном, чужом, завораживающе-пугающем мире. И мне это нравилось. Это опьяняло меня сильнее любого алкоголя, пьянило сильнее любого наркотика.

Мы прошли паспортный контроль. Офицер с тёмными, непроницаемыми глазами молча просмотрел мой паспорт, его взгляд скользнул по моему лицу — быстро, оценивающе, словно он сканировал меня, заносил в какую-то невидимую базу данных. На секунду мне показалось, что он видит меня насквозь, видит мои мысли, мои страхи, мои тайны. Но он просто поставил штамп и кивнул. Я выдохнула. Всё в порядке. Я здесь легально. Я свободна. Или мне так казалось.

Отель оказался скромным, не пятизвёздочным дворцом, о котором я втайне мечтала, но для нас, студенток, экономящих каждый рубль, — вполне приличным. Чистая комната с двумя кроватями, кондиционером, который гудел, как старый самолёт, и балконом с видом на город.

Мы сбросили чемоданы и тут же выбежали на балкон. И я замерла, схватившись за перила. Передо мной раскинулся Дубай. Не тот, что на картинках, а настоящий, живой, дышащий. Небоскрёбы, пронзающие небо, сверкали на солнце, словно огромные кристаллы. Огни только начинали зажигаться, превращая город в сказочный мир, в декорации к какому-то фантастическому фильму. Вдалеке, словно игла, устремлённая в небеса, возвышалась Бурдж Халифа — символ амбиций и дерзости, символ того, к чему я стремилась.

— Вау,— прошептала я, и это слово вырвалось из меня помимо моей воли, словно выдох после долгой задержки дыхания. — Это... это невероятно.

Лера и Настя галдели рядом, строя планы на вечер, но я их почти не слышала. Я стояла, замороженная, и впитывала этот вид, эту энергию, эту мощь, которая была из каждого камня, из каждого небоскрёба, из каждой улицы. Я чувствовала себя частью чего-то большего, чего-то грандиозного. Я чувствовала себя героиней восточной сказки, которая только начинается.

Боже, как же я ошибалась. Как же я не знала, что эта сказка обернётся кошмаром, из которого нет пробуждения.

Первые дни пролетели в вихре впечатлений, эмоций и восторга, который затмевал разум. Мы бегали по городу, как сумасшедшие, пытаюсь охватить всё сразу. Пляжи с белоснежным песком и лазурной водой, которая переливалась на солнце всеми оттенками синего и зелёного. Моллы, огромные торговые центры, где можно было заблудиться на целый день — бутики с ценниками, от которых кружилась голова, рестораны, аквариумы, даже горнолыжный склон посреди пустыни. Бурдж Халифа, к подножию которой мы пришли с трепетом, словно паломники к святыне.

Я стояла внизу, задрала голову, и смотрела на эту башню, которая уходила в небо так высоко, что вершину было не разглядеть. У меня кружилась голова от её масштабов, от её дерзости, от её невозможности. Это было творение человеческих рук. Это было воплощение мечты. Это было то, к чему я стремилась всю свою жизнь.

— Когда-нибудь,— шептала я, прижимая руку к груди, чувствуя, как сердце колотится в бешеном ритме. — Когда-нибудь я спроектирую такое. Моё здание будет стоять так же гордо, так же вызывающе, так же вечно.

Лера и Настя фотографировались, смеялись, таскали меня по магазинам, но я всё время возвращалась мыслями к архитектуре. Я доставала свой альбом для скетчей и рисовала. Линии зданий, изгибы куполов, футуристические формы, которые казались невозможными, но они существовали, они были реальны. Каждый штрих карандаша, каждое касание акварельной кисти — это было моё погружение в этот мир, моё слияние с ним. Я поглощала впечатления, как губка, стараясь запомнить каждую деталь, каждый оттенок, каждую эмоцию.

Вечерами мы сидели в каком-нибудь кафе, попивая безалкогольные коктейли — яркие, сладкие, с зонтиками и трубочками, которые казались такими детскими и невинными. Мы разговаривали о будущем, о парнях, о том, какой будет наша жизнь.

— Кать, тебе нужен парень,— заявила Лера, отпивая из своего мохито. — Ну серьёзно, тебе девятнадцать, а ты так и не встречалась ни с кем толком!

Я краснела, опуская глаза. Да, я была девственницей. Да, у меня не было опыта отношений. Один поцелуй в семнадцать лет — вот и всё моё романтическое прошлое. Мне было неловко от этого, словно я какая-то неполноценная, ка-

кая-то отсталая.

— Ну и что?— огрызалась я, чувствуя, как щёки горят. — Не встретила того самого. Не хочу с первым встречным.

— А может, встретишь здесь!— Лера подмигнула, её глаза блестели от азарта. — Нужно найти тебе принца! Арабского шейха!

Настя захихикала, и я невольно улыбнулась. Шейх. Принц. Это звучало так романтично, так сказочно. Где-то в глубине души, в самом потаённом уголке, я мечтала об этом. О встрече с тем самым, кто изменит мою жизнь, кто увидит во мне не просто очередную студентку, а личность, талант, душу. Но я не говорила об этом вслух. Это была моя тайная мечта, моя маленькая, наивная фантазия.

Я не знала, что эта фантазия обернётся проклятием. Что этот «принц» окажется демоном во плоти.

Каждый день я отправляла маме сообщения. Короткие, бодрые, полные восторга.

«Мам, всё отлично! Так красиво здесь! Сегодня были на Бурдж Халифе! Скоро вернусь, расскажу всё!»

Я старалась передать свой восторг, свою радость, чтобы она перестала волноваться, чтобы её тревога не отравляла мне это путешествие. Я хотела, чтобы она гордилась мной, чтобы она видела, что я справляюсь, что я взрослая, что я могу о себе позаботиться.

Она отвечала смайликами, сердечками, но я чувствова-

ла её беспокойство даже через экран телефона. Материнское сердце не обманешь. Оно знало. Оно чувствовало. Оно пыталось предупредить меня. Но я не слушала. Я была слишком опьянена свободой и новыми впечатлениями, чтобы услышать этот тихий, тревожный голос.

День пятый. Элитный пляжный клуб. Лера каким-то чудом достала приглашения через своих знакомых — я не спрашивала, как именно, меня это не интересовало. Главное, что мы здесь, в этом мире роскоши и гламура, который казался таким далёким от нашей московской реальности.

Клуб был воплощением богатства и красоты. Огромный бассейн-инфинити, который сливался с горизонтом, создавая иллюзию бесконечности. Шезлонги с белоснежными балдахинами, где лежали девушки в дизайнерских купальниках и мужчины с дорогими часами на запястьях. Музыка звучала негромко, создавая атмосферу расслабленности и неги. Запахи дорогих сигар и парфюма смешивались с солёным морским воздухом.

Я чувствовала себя немного не в своей тарелке. Мой купальник из масс-маркета казался таким дешёвым рядом с этим великолепием. Моя кожа, не тронутая солярием, — слишком бледной. Но я старалась не показывать своей неловкости, старалась наслаждаться моментом.

Я лежала на шезлонге, прикрыв глаза, и слушала шум прибоя, смех людей вокруг, плеск воды. Солнце пригревало ко-

жу, и я чувствовала себя кошкой, нежащейся на солнышке. Это было блаженство. Простое, невинное блаженство.

— Кать, смотри!— Настя ткнула меня локтем. — Красавчик какой!

Я приоткрыла глаза и скосила взгляд в сторону, куда показывала Настя. У барной стойки стоял мужчина. Высокий, атлетичный, в дорогих солнечных очках. Он разговаривал с барменом, но я чувствовала, что его взгляд скользит по нам.

— Ну и что?— пробормотала я, закрывая глаза обратно. Мне не хотелось пялиться на незнакомцев, как на экспонаты в зоопарке.

Но Настя не унималась.

— Он на тебя смотрит!

— Не носи чушь,— отмахнулась я, но сердце моё почему-то забилось чуть быстрее. Неужели правда?

Я не стала оглядываться. Я не хотела казаться заинтересованной. Я просто лежала и притворялась, что загораю. Но внутри меня зародилось лёгкое любопытство, маленькая искра, которая вот-вот разгорится в пламя, пожирающее всё на своём пути.

Прошло минут пятнадцать, когда я услышала голос.

— Извините.

Я открыла глаза. Надо мной стоял тот самый мужчина. Он снял очки, и я увидела его глаза — карие, тёплые, с лёгкими искорками, которые танцевали в глубине. Красивый. Очень

красивый. Смуглая кожа, правильные черты лица, лёгкая щетина, которая делала его ещё более привлекательным. На вид ему было лет тридцать с небольшим.

— Да?— выдохнула я, чувствуя, как краска заливает щёки. Господи, какая же я неловкая.

Он улыбнулся, и эта улыбка была обезоруживающей — белоснежные зубы, лёгкие морщинки у глаз, которые говорили о том, что он часто улыбается.

— Я ужасно неловок,— сказал он по-английски, с лёгким, мелодичным акцентом, который звучал невероятно притягательно. — Я случайно задел вашу сумку, и ваш коктейль... Боюсь, он пролился на ваше полотенце.

Я села, оглянувшись. Действительно, на полотенце красовалось мокрое пятно от какого-то яркого напитка. Но я даже не заметила, когда это произошло.

— О,— только и смогла выдавить я. — Ничего страшного.

— Нет, нет, это моя вина,— он уже махал рукой бармену.

— Позвольте мне загладить свою неловкость. Что вы пили?

— Мохито,— неуверенно ответила я. — Безалкогольный.

— Прекрасный выбор,— он заказал бармену, а потом повернулся ко мне, протягивая руку. — Меня зовут Карим. Карим Халаф. Я из Бейрута.

Я пожала его руку. Его рукопожатие было крепким, но не грубым. Его кожа тёплой.

— Катя,— представилась я, чувствуя, как моё сердце бьётся где-то в горле. — Екатерина. Из Москвы.

— Москва!— в его глазах вспыхнул интерес. — Замечательный город. Я там был несколько раз. А еще учился в России. Красная площадь, Кремль... Очень красиво.

Он сел на край соседнего шезлонга, и мы заговорили. Лера и Настя переглянулись, ухмыляясь, но я их проигнорировала. Карим был... невероятным. Он говорил о путешествиях, о бизнесе (он был, по его словам, консультантом по инвестициям), о культуре, об искусстве. Он цитировал поэзию — Руми, Хайяма — и это звучало так романтично, так утончённо.

Когда я робко призналась, что изучаю архитектуру, его глаза загорелись.

— Архитектура!— воскликнул он. — Это же потрясающе! Вы знаете, Дубай — это музей под открытым небом для архитекторов. Я могу показать вам несколько зданий, о которых мало кто знает. Настоящие жемчужины, скрытые от глаз туристов.

Я слушала его, замороженная. Он говорил именно то, что я хотела услышать. Он видел во мне не просто туристку, а студентку, профессионала, личность. Он интересовался моими мечтами, моими планами, моими амбициями. И это опьяняло меня сильнее любого коктейля.

Когда он пригласил нас на яхту на следующий день, Лера и Настя захихикали, а я... я согласилась. Не сразу, конечно. Я колебалась, делала вид, что мне нужно подумать. Но мы обе знали, что я соглашусь. Как я могла отказаться от такого

предложения? От возможности провести время с таким интересным, образованным, красивым мужчиной?

Вечером в отеле Лера прыгала от восторга.

— Катька, он на тебя запал! Это же твой шейх! Я же говорила!

Я отмахивалась, но внутри меня разгоралась надежда, трепетная, хрупкая надежда. Может, это оно? Может, это та самая встреча, которая изменит всё?

Настя, правда, была менее восторженной.

— Кать, а не слишком ли он хорош?— осторожно спросила она, когда Лера ушла в душ. — Ну, не знаю... Что-то мне не по себе. Будь осторожна.

Я фыркнула.

— Ты просто завидуешь!— сказала я, и сразу пожалела об этих словах. Но Настя не обиделась. Она только вздохнула.

— Может быть. Просто... береги себя, ладно?

Я кивнула, но не приняла её слова всерьёз. Осторожность? Зачем? Карим был идеальным. Слишком хорошим, чтобы быть правдой. Но я верила в сказки. Я верила, что такие мужчины существуют. Я верила, что мне повезло.

Боже, как же я ошибалась.

В ту ночь я не могла уснуть. Я лежала в кровати, слушая ровное дыхание Леры и Насти, и думала о Кариме. Его улыбка. Его глаза. Его голос. Слова, которые он говорил, словно были написаны специально для меня.

«Неужели такие мужчины существуют?»— думала я, прижимая руки к груди, чувствуя, как сердце колотится в бешеном ритме. «Он так отличается от московских парней. Он видит во мне не просто девчонку, а личность. Он интересуется мной. Настоящей мной.»

Я представляла, как мы будем проводить время вместе. Прогулки по городу, разговоры до утра, поцелуи под звездами. Я строила воздушные замки, которые вот-вот рухнут, погребя меня под обломками.

Я улыбалась в темноте, обнимая подушку, и чувствовала себя героиней романтического фильма. Это было начало чего-то прекрасного. Чего-то настоящего. Чего-то... моего.

ГЛАВА 3

Катя

Утро следующего дня я встретила с трепетом в груди, который разрастался, пожирая остатки здравого смысла. Я стояла перед зеркалом, меняя наряды, как безумная. Слишком открыто? Слишком скромно? Слишком по-детски? Господи, почему это так сложно? Почему я не могу просто выгля-

деть... правильно?

В итоге я остановилась на лёгком белом платье — простом, но элегантном, с цветочным принтом. Оно доходило до колен, не было вызывающим, но подчёркивало фигуру. Минимум макияжа — тушь, блеск для губ. Волосы распустила, позволив им свободно лечь на плечи. Я хотела выглядеть естественной. С собой. Той девушкой, которую, как мне казалось, он увидел вчера.

— Офигенно выглядишь! — Лера присвистнула, оглядывая меня с ног до головы. — Он упадёт в обморок от твоей красоты!

Настя молчала, её взгляд был задумчивым, почти тревожным. Но я не хотела замечать этого. Я не хотела, чтобы её сомнения отравляли мой восторг, портили мою сказку.

— Вы точно не хотите с нами? — спросила я в последний раз, застёгивая сандалии.

— Не-а, — Лера махнула рукой. — Это твоё свидание. Мы тут пошопимся, позагорает. Развлекайся!

Настя кивнула, но её глаза говорили другое. Они говорили: «Будь осторожна». Но я не слушала. Я не хотела слушать.

Карим встретил меня у входа в отель, стоя у своего автомобиля — роскошного белого Porsche Cayenne, который сверкал на солнце, словно драгоценность. Он был одет в светлые брюки и рубашку с закатанными рукавами, открывающими загорелые, мускулистые предплечья. На запястье

блестели дорогие часы — Rolex, я узнала логотип даже издалека. Он выглядел как герой из глянцевого журнала, как воплощение мечты.

— Екатерина, — его улыбка была ослепительной, когда он увидел меня. Он произнёс моё имя с лёгким акцентом, и это звучало невероятно красиво, почти интимно. — Ты выглядишь потрясающе.

Я покраснела, опуская глаза.

— Спасибо, — пробормотала я, чувствуя, как щёки горят. — Ты тоже.

Он открыл мне дверь, и я села в машину. Салон пах дорогой кожей и его парфюмом — свежим, с нотками цитруса и чего-то древесного. Запах, который обещал приключения и роскошь.

Мы ехали по прибрежной дороге, и я смотрела в окно, замороженная видами. Пальмы, белые виллы, лазурное море. Карим негромко включил музыку — что-то восточное, мелодичное, обволакивающее.

— Ты в первый раз в Дубае? — спросил он, не отрывая взгляда от дороги.

— Да, — кивнула я. — Первый раз вообще за границей. Ну, не считая Турции, но это было давно, с родителями.

— Тогда я буду твоим проводником в этот удивительный мир, — он улыбнулся, и его голос звучал так тепло, так искренне. — Покажу тебе Дубай таким, каким его видят немногие.

Мы приехали к причалу, где нас ждала яхта. Не огромная, но роскошная — белоснежная, сверкающая, с деревянной палубой и удобными диванами на корме. На борту уже был накрыт стол с фруктами, лёгкими закусками и напитками.

— Добро пожаловать на борт, — Карим помог мне подняться, его рука крепко держала мою, и я чувствовала его тепло, его силу.

Яхта отчалила, и мы медленно поплыли вдоль берега. Ветер трепал мои волосы, солнце пригревало кожу, а море плескалось о борт. Это было... волшебно. Словно сон наяву, словно кадр из фильма, в котором я вдруг оказалась главной героиней.

Карим был невероятен. Он рассказывал мне о своих путешествиях — Париж, Лондон, Нью-Йорк, Токио. Места, о которых я только мечтала. Он говорил о бизнесе, но так, что это не казалось скучным. Он цитировал поэзию, и его голос звучал как музыка.

— «Будь как вода, что течёт. Будь как птица, что летит. Не привязывайся ни к чему, и всё станет твоим», — процитировал он Руми, его глаза смотрели на меня с какой-то особенной теплотой, которая заставляла моё сердце биться быстрее.

— Это красиво, — прошептала я, обнимая себя за плечи. Ветер стал чуть прохладнее, и я слегка поёживалась.

Карим тут же встал, принёс лёгкий плед и накинул мне на плечи. Его пальцы на мгновение задержались на моих плечах, и я почувствовала мурашки, пробежавшие по коже. Не от холода. От его прикосновения.

— Расскажи мне о себе, Екатерина, — попросил он, садясь рядом, но на почтительном расстоянии. Он не давил, не лез в личное пространство. Он был идеальным джентльменом. — Что ты изучаешь? О чём мечтаешь?

И я рассказывала. Я говорила о МАРХИ, о своей любви к архитектуре, о том, как хочу проектировать здания, которые будут стоять веками. О своей мечте создать что-то значимое, что-то, что переживёт меня.

Он слушал. Внимательно. Не перебивал, не смотрел в телефон, не отвлекался. Он смотрел мне в глаза, кивал, задавал вопросы. Он был заинтересован. По-настоящему заинтересован. Во мне. В моих мыслях. В моих мечтах.

— Ты удивительная, — сказал он, когда я замолчала, смущённая собственной болтливостью. — Я встречал много людей, Екатерина. Но ты... ты другая. В тебе есть огонь. Страсть. Это редкость.

Я не знала, что ответить. Я только улыбнулась, чувствуя, как внутри меня разливается тепло, приятное, обволакивающее. Кто-то наконец-то увидел меня. Настоящую.

Мы провели на яхте несколько часов. Купались в море — вода тёплой, прозрачной, невероятно чистой. Карим

плавал рядом, но не приближался слишком близко, соблюдая дистанцию. Мы смеялись, брызгались водой, и я чувствовала себя ребёнком, беззаботным и счастливым.

Потом мы вернулись на яхту, и Карим угощал меня фруктами. Он очищал манго, нарезал его тонкими ломтиками и протягивал мне. Я ела, и сладкий сок стекал по подбородку. Он смеялся, протягивая мне салфетку, и его смех был таким искренним, таким тёплым.

— Ты счастлива? — спросил он внезапно, его взгляд стал серьёзным.

Я кивнула, не задумываясь.

— Да. Очень.

— Я тоже, — он улыбнулся, и в этой улыбке было что-то... странное. Что-то, чего я не могла уловить. Но это ощущение мелькнуло и исчезло, как тень, и я решила, что мне просто показалось.

Когда яхта причалила обратно, Карим проводил меня до машины.

— Спасибо за сегодня, — сказала я, не в силах скрыть улыбку. — Это было невероятно.

— Это только начало, — ответил он, его глаза блестели. — Завтра я хочу показать тебе старый город. Ты увидишь Дубай, который скрыт от туристов. Согласна?

Я согласилась, не раздумывая. Как я могла отказаться?

День седьмой. Прогулка по старому городу. Карим держал меня за руку, и его пальцы переплетались с моими так есте-

ственно, словно мы знали друг друга вечность. Мы бродили по узким улочкам, заходили в лавки с коврами и специями, вдыхали ароматы шафрана, кардамона, розы.

Он покупал мне безделушки — браслет с бирюзой, платок с восточными узорами. Я пыталась отказываться, но он не слушал.

— Позволь мне радовать тебя, — шептал он, надевая браслет мне на запястье. Его пальцы задерживались на моей коже, и я чувствовала, как по мне пробегают мурашки.

Мы сидели в маленьком кафе, пили сладкий мятный чай и разговаривали. О жизни, о мечтах, о семье.

— Расскажи мне о своих родителях, — попросил он, его глаза были такими внимательными, такими тёплыми.

Я рассказала. О маме, которая всегда переживает. Об отце, который молчалив, но надёжен. О брате, который завидует моим приключениям.

— Они любят тебя, — сказал Карим, и в его голосе прозвучала какая-то грусть. — Это ценно. Береги их.

— А твои родители? — спросила я осторожно.

Он помолчал, его взгляд стал отстранённым.

— Отца нет. Мать... мы не близки, — ответил он коротко, и я поняла, что эта тема для него болезненна. Я не стала настаивать.

Вечером он проводил меня до отеля. Мы стояли у входа, и я не хотела уходить. Не хотела, чтобы этот день заканчивался.

— Катя, — его голос был тих, почти шёпот. Он взял мою руку, поднёс к губам и поцеловал костяшки пальцев. Этот жест был таким старомодным, таким романтичным, что у меня перехватило дыхание. — Завтра я хочу пригласить тебя на ужин. К себе на виллу. Хочу показать тебе закат с моей террасы. Это мой секрет, который я хочу разделить только с тобой.

Моё сердце колотилось так, что я боялась, он услышит.

— Я... я не знаю... — начала я, но он приложил палец к моим губам.

— Не торопись с ответом. Подумай. Напиши мне завтра утром. Хорошо?

Я кивнула, не в силах вымолвить ни слова.

Он улыбнулся, ещё раз поцеловал мою руку и ушёл. Я стояла, смотрела ему вслед и чувствовала, как внутри меня всё переворачивается.

В номере Лера и Настя набросились на меня с вопросами.

— Ну что? Как прошло? Целовались?

Я покачала головой, падая на кровать.

— Нет. Он... он джентльмен. Он пригласил меня на ужин к себе завтра.

Лера взвизгнула от восторга.

— Это оно! Катюх, это серьёзно!

Настя молчала. Потом тихо спросила:

— Кать, а не слишком ли быстро? Вы знакомы три дня...

— Четыре, — поправила я её, раздражаясь. — И что с того? Иногда люди сразу чувствуют связь!

— Может быть, — Настя вздохнула. — Просто будь осторожна. Пожалуйста.

Я отмахнулась. Осторожность. Снова эта осторожность. Почему они не могут просто порадоваться за меня? Почему должны отравлять мою сказку своими сомнениями?

Той ночью я не спала. Я лежала, уставившись в потолок, и думала о Кариме. Его улыбка. Его голос. То, как он смотрел на меня. Как будто я была единственной в мире. Как будто я была особенной.

«Ты не такая, как все девушки, которых я встречал», — говорил он сегодня, когда мы сидели в кафе. «Я чувствую родственную душу, которую искал всю жизнь».

Родственная душа. Эти слова эхом отдавались в моей голове, обволакивая, убаюкивая, опьяняя.

Я встала, подошла к зеркалу. Смотрела на своё отражение — девушку с горящими глазами, с покрасневшими щеками, с улыбкой, которую невозможно было стереть.

«Я влюблена», — подумала я, и это осознание было одновременно пугающим и восхитительным.

Я влюбилась в Карима. В мужчину, которого знаю четыре дня. Это безумие. Это глупость. Но я не могу остановиться.

Я достала телефон и написала ему сообщение:

«Я согласна. Завтра. Жду с нетерпением».

Ответ пришёл почти мгновенно:

«Я счастлив. До завтра, моя Катя. Спокойной ночи».

Моя Катя. Эти два слова разлили во мне такое тепло, такое блаженство.

Я легла обратно в кровать, прижимая телефон к груди, и улыбалась в темноту.

Завтра. Завтра будет особенный вечер. Я чувствовала это всем сердцем.

Я не знала, что завтра моя жизнь закончится. Та жизнь, которую я знала. Та Катя, которой я была.

Я не знала, что завтра я упаду в бездну, из которой нет возврата.

Я не знала, что этот ужин станет ловушкой, из которой я не смогу выбраться.

Я просто лежала, улыбалась и мечтала о поцелуе под звёздами.

Наивная дура.

Глава 4

Катя

Утро восьмого дня я проснулась с его именем на губах. Карим. Даже во сне я произносила это слово, словно молитву, словно заклинание, которое связывало меня всё крепче, опутывало невидимыми цепями.

Я встала, подошла к зеркалу. Передо мной стояла девушка, которую я почти не узнавала. Глаза горели каким-то безумным огнём, щёки пылали, губы были припухшими — я кусала их всю ночь, пытаясь заглушить желание, которое пожирало меня изнутри. Желание его. Его прикосновений. Его голоса. Его взгляда, который раздевал меня до самой души.

Боже, что со мной происходит?

Я знала этого мужчину неделю. Семь дней. Сто шестьдесят восемь часов. И за это время он проник в меня глубже, чем кто-либо за девятнадцать лет моей жизни. Он заполнил собой каждую клетку, каждую мысль, каждый вдох. Я не могла думать ни о чём, кроме него.

— Кать, ты в порядке? — Лера смотрела на меня с беспокойством, потягивая утренний кофе. — У тебя такой взгляд... странный.

— Нормально, — соврала я, отворачиваясь. — Просто плохо спала.

— Опять о нём думала? — фыркнула она. — Катюх, ты серьёзно? Вы даже не поцеловались ещё, а ты уже как зомби ходишь!

Настя молчала, её взгляд был тяжёлым, изучающим. Она видела больше, чем Лера. Она чувствовала то, что я отказы-

валась признавать — что-то идёт не так. Что-то ужасно, катастрофически не так.

Но я не хотела слушать. Не хотела видеть красные флаги, которые развевались перед моим лицом. Я была ослеплена. Одурманена. Я падала в пропасть и наслаждалась этим падением.

Карим написал в десять утра:

«Сегодня вечер будет особенным. Я заеду за тобой в семь. Надень что-то красивое. Хочу, чтобы ты чувствовала себя королевой. Моей королевой».

Моей королевой. Я перечитала эти слова раз двадцать, прижимая телефон к груди, как подросток. Внутри меня всё сжалось в сладкий, болезненный узел.

Я провела весь день в лихорадочной подготовке. Душ, депиляция, маникюр, педикюр — я делала всё сама, в ванной комнате отеля, дрожащими руками. Лера и Настя ушли на пляж, а я осталась одна со своими мыслями, которые метались, как птицы в клетке.

«Это будет особенный вечер», — шептала я себе, глядя в зеркало. — «Он поцелует меня сегодня. Я знаю. Чувствую это».

Я хотела этого поцелуя больше, чем воздуха. Больше, чем жизни. Я была готова отдать всё за одно прикосновение его губ.

К шести вечера я была готова. Платье — новое, купленное сегодня утром в припадке безумия. Чёрное, облегающее, с

глубоким вырезом на спине. Оно стоило все мои оставшиеся деньги, но мне было плевать. Я хотела быть красивой для него. Идеальной.

Волосы распустила волнами. Макияж — чуть ярче обычного. Красная помада, которую я никогда раньше не носила. Духи — те самые, что купила в duty free, сладкие, дурманящие.

— Вау, — выдохнула Лера, когда вернулась с пляжа и увидела меня. — Катька, ты... ты выглядишь... по-взрослому.

По-взрослому. Это прозвучало как приговор.

Настя молчала. Её губы были сжаты в тонкую линию.

— Кать, — наконец произнесла она тихо. — Послушай. Я знаю, ты не хочешь это слышать, но... будь осторожна сегодня. Ладно? Просто... если что-то пойдёт не так, если почувствуешь хоть малейший дискомфорт — уходи. Звони нам. Мы приедем за тобой.

Я кивнула, не глядя на неё. Её слова казались такими неуместными, такими чужими в моём мире, наполненном Каримом.

— Всё будет отлично, — сказала я, и мой голос звучал слишком ярко, слишком искусственно. — Вы просто не понимаете. Он не такой, как все.

— Надеюсь, — вздохнула Настя, и в её голосе прозвучало что-то похожее на прощание.

Карим приехал ровно в семь. Я вышла из отеля и замерла, увидев его. Он стоял у машины в безупречном чёрном ко-

стюме, белой рубашке без галстука, расстёгнутой на две пуговицы. Волосы зачёсаны назад, на лице — лёгкая щетина. Он выглядел как грех во плоти. Как искушение, от которого невозможно отказаться.

Его взгляд скользнул по мне — медленно, жадно, оценивающе. И я почувствовала, как по телу разливается жар. Он смотрел на меня так, словно хотел съесть. Поглотить. Уничтожить.

— Екатерина, — его голос был хриплым. — Ты... ты невероятна.

Он подошёл, взял мою руку, поцеловал костяшки пальцев. Но на этот раз его губы задержались дольше. Его дыхание было горячим на моей коже.

— Поехали, — прошептал он, его глаза горели тёмным огнём. — У меня для тебя сюрприз.

Мы ехали молча. Его рука лежала на моём колене — тяжёлая, горячая, собственническая. Я не решалась пошевелиться, боясь спугнуть этот момент. Моё сердце билось так громко, что мне казалось, он слышит каждый удар.

Музыка играла негромко — что-то восточное, чувственное, гипнотическое. Я смотрела в окно, но не видела ничего. Только чувствовала. Его близость. Его запах. Его присутствие, которое заполняло собой всё пространство машины.

— Ты волнуешься? — спросил он вдруг.

Я кивнула, не в силах говорить.

— Не надо, — его пальцы сжали моё колено крепче. — Я

позабочусь о тебе. Обещаю.

Это обещание должно было успокоить меня. Но вместо этого оно вызвало странное чувство тревоги, которое я тут же подавила.

Вилла была... нереальной. Огромная, белая, с видом на океан. Мы проехали через автоматические ворота, и я увидела сад — пальмы, экзотические цветы, фонтан. Всё было освещено мягким светом, создавая атмосферу сказки.

Карим вышел первым, открыл мне дверь, протянул руку. Я взяла её, и он помог мне выйти. Его прикосновение было крепким, уверенным.

— Добро пожаловать в мой дом, — сказал он, его голос звучал странно — торжественно, почти ритуально.

Внутри было ещё красивее. Огромные окна от пола до потолка с видом на океан. Мрамор, золото, дорогая мебель. На террасе был накрыт стол — свечи, розы, хрусталь, серебро. Музыка играла тихо — классическая, что-то красивое и печальное.

— Это... невероятно, — прошептала я, оглядываясь вокруг.

— Только лучшее для тебя, — ответил он, его рука легла мне на поясницу, направляя к террасе.

Мы сели за стол. Ужин был изысканным — блюда, названия которых я даже не могла произнести. Морепродукты, мясо, овощи, приготовленные каким-то волшебным способом. Карим наливал мне вино — красное, густое.

— Я не пью, — напомнила я.

— Один бокал не повредит, — улыбнулся он. — Это особенный вечер. Отметим его как следует.

Я колебалась. Но его взгляд был таким тёплым, таким убеждающим. Я взяла бокал, сделала маленький глоток. Вино было терпким, обжигающим. Непривычным.

— Хорошо? — спросил он.

Я кивнула, хотя на самом деле вкус мне не нравился. Но я хотела ему угодить. Хотела быть той девушкой, которую он видел во мне — взрослой, изысканной, достойной его.

Мы разговаривали. О чём? Я уже не помню. Его голос обволакивал меня, как дым. Его слова звучали правильно, красиво. Он говорил о том, как я особенная. Как он искал меня всю жизнь. Как мы созданы друг для друга.

— Катя, — произнёс он в какой-то момент, его рука накрыла мою на столе. — Я должен тебе кое-что сказать.

Моё сердце забилося быстрее.

— Что?

— Я никогда не чувствовал того, что чувствую к тебе, — его глаза смотрели прямо в мои, и в них горел огонь. — Ты не просто красивая девушка. Ты... ты моя родственная душа. Я знаю, это звучит безумно. Мы знакомы всего неделю. Но я чувствую связь, которую не могу объяснить.

Я не могла дышать. Его слова — это были именно те слова, которые я хотела услышать. Которые мечтала услышать.

— Я тоже это чувствую, — прошептала я, и слёзы навер-

нулись на глаза. — Я думала, что схожу с ума, но...

— Нет, — он встал, обошёл стол, присел рядом со мной на корточки. Взял моё лицо в ладони. — Ты не сумасшедшая. Это реально. То, что между нами — это судьба.

Судьба. Это слово эхом отозвалось во мне.

Он наклонился ближе. Так близко, что я чувствовала его дыхание на своих губах. Мой первый поцелуй. Это будет мой первый настоящий поцелуй.

— Карим, — выдохнула я.

— Да, моя Катя?

И тут он поцеловал меня.

Его губы были горячими, требовательными. Поцелуй был не нежным — он был голодным, жадным. Его язык проник в мой рот, и я почувствовала, как голова закружилась. Не знала, от поцелуя или от вина. Или от того и другого.

Его руки скользнули по моей спине, прижали меня ближе. Я чувствовала его тело — твёрдое, мускулистое, горячее. Чувствовала, как что-то твёрдое упирается мне в живот, и даже в моей наивности я понимала, что это.

Страх кольнул меня. Острый, внезапный. Но я подавила его. Это Карим. Мой Карим. Мужчина моей мечты. С ним всё будет хорошо.

Он оторвался от моих губ, его дыхание было тяжёлым.

— Боже, Катя, — прохрипел он. — Ты сводишь меня с ума.

— Я... я тоже, — пробормотала я, чувствуя, как по телу

разливается жар.

— Пойдём, — он взял меня за руку, потянул к дивану, что стоял на террасе.

Мы сели. Он обнял меня, прижал к себе. Я чувствовала себя маленькой рядом с ним, защищённой. Мы смотрели на океан — волны плескались внизу, луна отражалась в воде серебристой дорожкой.

— Это идеально, — прошептала я.

— Ты идеальна, — ответил он, целуя мою шею. Его губы оставляли горячие следы на коже. — Я хочу тебя, Катя. Так сильно, что это сводит меня с ума.

Его рука скользнула выше, к моей груди. Я замерла. Это было слишком быстро. Слишком много.

— Карим, — начала я, пытаюсь отстраниться.

— Тсс, — он прижал палец к моим губам. — Не бойся. Я не причиню тебе боль. Никогда. Я просто хочу быть ближе к тебе.

Его слова успокаивали. Его голос обволакивал. И я позволила. Позволила его рукам исследовать моё тело поверх платья. Позволила его поцелуям становиться всё более настойчивыми.

Но когда его рука скользнула под подол моего платья, к моему бедру, я отпрянула.

— Нет, — сказала я твёрдо. — Извини, но... я не готова.

На секунду в его глазах мелькнуло что-то тёмное, опасное. Но так быстро, что я решила — показалось.

Он тут же отстранился, поднял руки в примирительном жесте.

— Конечно, — сказал он мягко. — Прости. Я слишком увлёкся. Ты права. Мы не должны торопиться.

Облегчение затопило меня.

— Спасибо, — прошептала я. — Просто... я никогда...

— Я знаю, — он улыбнулся, убрал прядь волос с моего лица. — И это делает тебя ещё более особенной. Я подожду. Сколько нужно.

Его понимание растопило остатки моих сомнений. Он был идеальным. Абсолютно идеальным.

Мы ещё посидели, обнявшись, разговаривая о будущем. Он говорил о том, как хочет показать мне весь мир. Париж, Рим, Токио. Как хочет, чтобы я была частью его жизни.

— Останешься здесь? — спросил он вдруг. — После того, как твои подруги улетят? Побудь со мной ещё немного. Я покажу тебе настоящий Дубай.

Моё сердце замерло.

— Я... не знаю, — пробормотала я. — Мне нужно домой. Учёба...

— Неделя, — настаивал он. — Всего одна неделя. Я оплачу твой билет. Всё, что нужно. Просто побудь со мной.

Я хотела. Боже, как я хотела. Но что-то останавливало меня. Какой-то внутренний голос предупреждал: не надо.

— Я подумаю, — ответила я уклончиво.

Он кивнул, но я видела разочарование в его глазах.

Когда он отвозил меня обратно в отель, было уже за полночь. Мы простились у входа. Он поцеловал меня снова — долго, страстно.

— До завтра, — прошептал он. — Я заеду за тобой утром. Покажу тебе одно особенное место.

Я кивнула, не в силах говорить.

В номере Лера и Настя уже спали. Я прокралась в ванную, посмотрела на себя в зеркало. Губы припухшие от поцелуев. Глаза блестят. На шее — лёгкий засос, который он оставил.

Я провела пальцами по этой отметине и улыбнулась.

«Я его. А он мой».

Эта мысль наполняла меня таким счастьем, что я хотела закричать.

Я легла в кровать, прижала телефон к груди. Он прислал сообщение:

«Сладких снов, моя Катя. Сегодня был лучший вечер в моей жизни».

Лучший вечер. И в моей тоже.

Глава 5

Девятый день. Последний день моей прежней жизни. Хотя я этого ещё не знала.

Я проснулась от солнца, которое било в окно, и первое, что сделала — схватила телефон. Сообщение от Карима уже ждало меня:

«Доброе утро, моя красавица. Сегодня вечером у меня для

тебя сюрприз. Приготовься к чему-то особенному. Я заеду в восемь. Надень что-то удобное, но красивое. Жду встречи. К.»

Моё сердце забилося быстрее. Сюрприз. Что-то особенное. Я представляла романтический ужин на крыше, возможно, предложение остаться с ним подольше. Может быть, он даже подарит мне что-то значимое — символ наших отношений.

Наивная дура.

Лера проснулась следом, потянулась, зевнула.

— Опять он написал? — спросила она с улыбкой, но в её глазах промелькнуло беспокойство. — Кать, вы каждый день вместе. Это же наш девичий отдых, помнишь?

Чувство вины кольнуло меня, острое и неприятное.

— Извини, Лер, — пробормотала я, не отрываясь от экрана. — Просто... я не могу. Он... особенный.

— Да вижу я, что особенный, — вздохнула она. — Ладно. Но хоть днём-то с нами побудешь? Мы сегодня хотели в аквапарк.

Я кивнула, чувствуя облегчение. День с подругами, а вечер с Каримом. Идеально.

Настя молчала, лёжа на своей кровати, уставившись в потолок. Её молчание давило на меня больше, чем любые слова.

— Настюш, ты чего? — спросила я осторожно.

Она повернула голову, посмотрела на меня долгим, тяжё-

лым взглядом.

— Ничего, Кать. Просто думаю.

— О чём?

— О том, что ты изменилась за эти дни. Ты стала... другой. Будто тебя нет здесь. Будто ты уже где-то там, с ним.

Её слова попали в точку, и я разозлилась. Почему она не может просто порадоваться за меня? Почему должна отравлять мой праздник своими мрачными предчувствиями?

— Я просто влюблена! — огрызнулась я. — Это нормально! Неужели ты не можешь понять?

— Влюблена? — Настя села на кровати, её голос стал тише, но острее. — Катя, ты знаешь этого человека девять дней. Девять, блядь, дней! И ты уже готова променять всё на него!

— Я ничего не меняю! — моё лицо пылало. — Просто провожу с ним время!

— Каждый день. Каждую ночь до полуночи. Ты скидываешь нам геолокацию, как будто мы твои охранники. Кать, это странно!

— Это забота! — крикнула я, и Лера вздрогнула. — Он заботится обо мне!

— Или контролирует, — тихо сказала Настя.

Тишина повисла в комнате, тяжёлая, давящая. Я схватила полотенце, пошла в душ, хлопнув дверью. Внутри меня всё кипело — злость, обида, страх. Страх, что она может быть права.

Но я подавила этот страх. Задушила его. Потому что признать, что Настя права, означало бы признать, что я совершаю ужасную ошибку. А я не хотела этого признавать. Не могла.

День прошёл в натянутой атмосфере. Мы ездили в аквапарк, катались с горок, смеялись, но этот смех был фальшивым. Я чувствовала расстояние между нами — невидимую стену, которую возвела сама.

Всё время я думала о вечере. О Кариме. О том, что он приготовил для меня. Я проверяла телефон каждые пять минут, ожидая новых сообщений.

Он написал в три дня:

«Думаю о тебе. Не могу дождаться вечера».

Я прижала телефон к груди, улыбаясь, как идиотка.

— Кать! — Лера дёрнула меня за руку. — Ты вообще с нами?

Я вздрогнула, виновато улыбнулась.

— Извините. Просто задумалась.

— О нём, — это было не вопросом. — Слушай, а что ты вообще о нём знаешь? Где он живёт? Чем занимается? Есть ли у него семья?

Я открыла рот, чтобы ответить, и поняла — я почти ничего не знаю. Он рассказывал о путешествиях, о книгах, о своих взглядах на жизнь. Но конкретных фактов? Почти никаких.

— Он... бизнесмен, — неуверенно начала я. — Консуль-

тант по инвестициям. Из Бейрута. Часто путешествует.

— А семья? Родители? Друзья?

— Мать жива, но они не близки. Отца нет.

— А друзья? Ты видела хоть кого-то из его окружения?

Я покачала головой. Нет, не видела. Всегда были только мы вдвоём.

Лера и Настя переглянулись, и я увидела в их глазах тревогу.

— Кать, это странно, — медленно произнесла Лера. — Нормальные люди представляют своих друзей, показывают свою жизнь. А он... он как будто из вакуума появился.

— Может, он просто ценит приватность! — защищалась я, чувствуя, как внутри всё сжимается. — Не все же выставляют свою жизнь напоказ!

— Или скрывает что-то, — тихо добавила Настя.

Я встала резко, чуть не опрокинув стул.

— Всё, хватит! Вы просто завидуете! У вас нет таких мужчин, и вы пытаетесь испортить мне счастье!

Слова вырвались прежде, чем я успела их остановить. Жестокие. Несправедливые. Я видела, как Лера побледнела, как в глазах Насти блеснули слёзы.

— Катя... — начала Лера.

— Нет! — я схватила свою сумку. — Мне нужно готовиться. Извините.

Я ушла, оставив их сидеть в оглушённой тишине. И только когда вышла на улицу, почувствовала, как дрожат руки. Как

внутри всё болит.

Но я не вернулась. Не извинилась. Я поймала такси и поехала в отель.

Подготовка к вечеру заняла три часа. Душ, волосы, макияж. Я выбрала платье — кремовое, лёгкое, с открытыми плечами. Туфли на каблуке. Духи — щедро. Я хотела быть идеальной для него.

В семь тридцать я получила сообщение:

«Выходи. Жду у входа».

Сердце ухнуло вниз. Я схватила клатч, проверила содержимое — телефон, помада, деньги. В последний момент скинула геолокацию Лере и Насте. Автоматически. Привычка.

«Еду к нему на виллу. Вернусь к полуночи. Не волнуйтесь».

Ответа не было. Они обижались. И я чувствовала вину, острую, как нож под рёбрами. Но подавила и это чувство.

Я вышла из лифта, увидела его через стеклянные двери. Карим стоял у своего белого Porsche, в тёмных брюках и светлой рубашке. Выглядел как всегда — идеально.

Я вышла, и он повернулся. Его взгляд скользнул по мне, тёплый, одобряющий.

— Ты потрясающая, — сказал он, подходя, беря мою руку, целуя костяшки пальцев. — Готова?

— Да, — прошептала я, игнорируя лёгкую тревогу, которая шевелилась в животе.

Мы сели в машину. Он завёл двигатель, включил музыку. Та же восточная мелодия, что играла всегда. Гипнотическая.

Убаюкивающая.

— Куда мы едем? — спросила я.

— Ко мне, — ответил он, его рука легла на моё бедро, сжала. — Хочу показать тебе закат с террасы. И... у меня есть подарок для тебя.

Подарок. Моё сердце забилося быстрее от волнения.

Мы ехали, и я не замечала дороги. Я смотрела на него — на его профиль, на его руки на руле, на то, как работают мышцы его челюсти. Я была так одурманена им, что не обращала внимания на то, что мы едем слишком долго. Что районы за окном становятся всё более пустынными.

Когда машина наконец остановилась, я очнулась. Мы стояли перед той же виллой, где были вчера. Ворота открылись автоматически, и мы въехали внутрь.

— Приехали, — сказал он мягко, выключая двигатель.

Я вышла из машины, огляделась. Вокруг было тихо. Слишком тихо. Ни машин, ни людей. Только шум прибора вдалеке и стрекот цикад.

Карим взял меня за руку, повёл внутрь. Вилла была освещена свечами — сотни свечей, которые создавали романтическую, но почему-то тревожную атмосферу. На столе стояло шампанское в ведёрке со льдом, два бокала, ваза с красными розами.

— Вау, — выдохнула я. — Это... красиво.

— Только лучшее для тебя, — он подвёл меня к дивану, усадил. — Сейчас.

Он ушёл на кухню, вернулся с подносом — лёгкие закуски, фрукты. Открыл шампанское с хлопком, разлил по бокалам.

— За нас, — сказал он, протягивая мне бокал. — За эту особенную связь.

Я взяла бокал, чокнулась с ним. Сделала глоток. Шампанское было сладким, игристым. Непривычным для меня, но приятным.

Мы сидели, разговаривали. Он рассказывал что-то, но я уже плохо помню что именно. Голос его обволакивал меня, как туман. Я чувствовала себя расслабленной. Спокойной. Слишком спокойной.

— Выпей ещё, — сказал он, наполняя мой бокал снова.

Я пила, хотя не хотела. Просто потому, что он попросил. Потому что хотела угодить ему.

Прошло минут пятнадцать, когда я почувствовала, что что-то не так. Голова закружилась. Резко. Сильно. Я моргнула, пытаясь сфокусировать взгляд, но всё плыло перед глазами.

— Карим, — пробормотала я, ставя бокал на стол. — Мне... плохо.

— Что такое? — его голос звучал обеспокоенно, но почему-то далеко.

— Голова... кружится, — я попыталась встать, но ноги не слушались. Тело стало ватным, чужим.

Паника ударила в грудь, острая, пронзительная.

— Что... что со мной? — прошептала я, чувствуя, как страх заползает в горло, душит.

Я посмотрела на него. И замерла.

Его лицо изменилось. Оно больше не было тёплым, любящим. Оно было холодным. Пустым. Его глаза смотрели на меня без эмоций — так смотрят на вещь, на предмет.

— Карим? — моё сердце колотилось так, что готово было выпрыгнуть из груди. — Что происходит?

Он не ответил. Просто встал, подошёл ко мне. Я попыталась отползти, но тело меня не слушалось.

— Не сопротивляйся, — сказал он тихо, и в его голосе не было ни капли тепла. — Так будет легче.

— Нет, — прошептала я, слёзы текли по щекам. — Нет, нет, нет...

Он наклонился, легко поднял меня на руки. Я пыталась вырваться, но мои движения были слабыми, неэффективными.

— Пожалуйста, — всхлипнула я. — Не надо... Карим, пожалуйста...

Он нёс меня куда-то. В спальню. Положил на кровать. Я видела, как он достаёт телефон, кому-то звонит. Говорит на арабском — быстро, отрывисто.

Моё зрение затуманилось окончательно. Последнее, что я увидела — его лицо надо мной. Холодное. Безжалостное. Чужое.

— Ты просто товар, — услышала я его голос, словно из-

далека. — Идеальный товар.

Товар. Это слово эхом отозвалось в моей голове.

Я пыталась кричать, но изо рта вырывался только стон.

Пыталась двигаться, но тело превратилось в камень.

Последняя мысль перед тем, как темнота поглотила меня.

«Это ловушка. Это была ловушка с самого начала».

И я, идиотка, попала в неё. Добровольно. С улыбкой на губах.

Темнота.

Полная, абсолютная темнота.

Я плыла в ней, как в тёплой воде. Ничего не чувствовала.

Ничего не слышала.

Где-то далеко раздавались голоса — мужские, грубые, говорящие на незнакомом языке. Арабский? Я не знала.

Кто-то трогал меня — руки, холодные и грубые, переворачивали моё тело, проверяли пульс. Я пыталась открыть глаза, но веки были свинцовыми.

— Сколько ей дали? — услышала я голос на английском. Незнакомый голос.

— Достаточно, — ответил другой. Карим? Я не была уверена. — Она не проснётся часов восемь.

— Хорошо. Готовьте машину. Халид ждёт.

Халид. Это имя прозвучало как ...прокляти, хотя я не понимала почему.

Я пыталась бороться с темнотой, всплыть на поверхность. Но наркотик в моей крови был слишком сильным. Он тянул

меня обратно, в бездну.

Последнее, что я почувствовала — как меня поднимают, несут куда-то. Холодный воздух коснулся моей кожи. Потом — ничего.

Только темнота.

И в этой темноте — осознание, ужасное, всепожирающее: Я никогда не вернусь домой.

Та Катя, которая прилетела в Дубай с мечтами и надеждами — умерла.

Глава 6

Катя

Боль.

Первое, что я почувствовала, когда начала всплывать из темноты — это боль. Тупая, пульсирующая боль в висках, которая разливалась по всему черепу, словно кто-то вбивал гвозди в мой мозг. Рот был сухим, как пустыня, язык прилип к нёбу. Тошнота катилась волнами, и я боялась открыть рот, потому что меня вырвет.

Я попыталась пошевелиться — и не смогла.

Паника взорвалась во мне, ледяная, всепоглощающая.

Руки. Мои руки связаны за спиной. Верёвка впивалась в запястья, грубая, режущая кожу. Ноги тоже связаны — я чувствовала, как что-то стягивает лодыжки вместе. А во рту... господи, во рту что-то есть. Кляп. Ткань, засунутая так

глубоко, что я едва могла дышать через нос.

Я попыталась закричать, но из горла вырвался только приглушённый, жалкий стон.

Открыла глаза. Темно. Не абсолютная темнота, но почти. Слабый свет просачивался откуда-то сбоку — узкая щель. Я лежала на чём-то твёрдом и холодном. Металл? Пахло... бензином. Пылью. Потом. Чужим потом.

Где я?

Воспоминания хлынули обратно, как ушат холодной воды. Карим. Вилла. Шампанское. Его холодные глаза. Его слова: *«Ты просто товар»*.

Нет. Нет, нет, нет, это не может быть правдой. Это кошмар. Просто кошмар, из которого я сейчас проснусь.

Но боль в запястьях была слишком реальной. Верёвка впивалась в кожу каждый раз, когда я дёргалась. Кляп душил меня. Это не сон.

Это реальность. Моя новая, чудовищная реальность.

Я попыталась сесть — и поняла, что нахожусь в движущемся транспорте. Фургон? Машина? Что-то тряслось, подпрыгивало на ухабах. Двигатель ревел, низко и монотонно.

Голоса. Я услышала голоса спереди — мужские, грубые, говорящие на арабском. Они смеялись. О чём-то шутили. Словно это был обычный день. Словно связанная девушка в кузове — это нормально.

Слёзы хлынули из глаз, горячие, бесконтрольные. Я плакала, задыхаясь через кляп, чувствуя, как сопли текут из но-

са, мешая дышать. Паника становилась всё сильнее, пожирая остатки разума.

Я дёрнулась изо всех сил, пытаюсь освободиться. Верёвка врезалась в кожу ещё глубже, и я почувствовала, как что-то тёплое потекло по запястьям. Кровь. Я стираю кожу в кровь, но верёвки не поддаются.

Снова попыталась закричать. Снова — только приглушённый стон.

Один из мужчин что-то сказал. Второй засмеялся. Фургон продолжал ехать.

Я не знаю, сколько времени прошло. Может, час. Может, три. Может, целая вечность. Время потеряло смысл. Была только боль, страх и темнота.

Жара. Становилось всё жарче. Воздух в фургоне был спёртым, тяжёлым. Я задыхалась, пытаюсь втянуть кислород через нос, но его не хватало. Пот заливал глаза, смешиваясь со слезами.

«Мама», — думала я бессвязно. — «Мама, помоги. Папа. Максим. Кто-нибудь».

Но никто не мог помочь. Никто не знал, где я. Никто не придёт.

Лера. Настя. Они получили мою геолокацию. Они знают, что я поехала к Кариму. Они найдут меня. Должны найти.

Но проходили часы, и надежда таяла, как лёд на солнце. Фургон резко затормозил. Я ударилась головой о стенку, и боль взорвалась в черепе, яркая и острая. Я застонала, но

через кляп это было почти неслышно.

Голоса снаружи. Двери открылись с лязгом, и яркий свет хлынул внутрь, ослепляя. Я зажмурилась, но грубые руки уже хватили меня, тащили наружу.

Меня бросили на землю. Песок. Горячий, обжигающий песок. Я лежала, корчась, пытаюсь дышать. Кто-то дёрнул кляп изо рта, и я судорожно втянула воздух, кашляя, давясь.

— Вода, — прохрипела я. — Пожалуйста... вода...

Кто-то плеснул мне в лицо водой из бутылки. Она была тёплой, но я жадно ловила капли ртом. Недостаточно. Так недостаточно.

Меня грубо подняли на ноги. Ноги подкашивались, и я бы упала, если бы меня не держали. Я открыла глаза, щурясь от яркого солнца.

Вокруг — пустыня. Бесконечная, выжженная, мёртвая пустыня. Песок до горизонта. Ни деревьев, ни дорог, ни людей. Только мы. И вдалеке... здание.

Огромное здание, футуристическое, но мрачное. Белый камень, высокие стены, узкие окна с решётками. Оно выглядело как крепость. Как тюрьма.

Меня толкнули вперёд. Я пошла, спотыкаясь, падая на колени, поднимаясь снова. Охранники — двое мужчин в чёрном, с автоматами — шли рядом, безразличные к моим мукам.

Мы подошли к воротам. Они открылись автоматически, медленно, зловеще. За ними — внутренний двор, выложен-

ный мрамором. Фонтан в центре. Пальмы. Красиво. Но по периметру — вышки с охраной. Камеры наблюдения на каждом углу. Высокие стены, увенчанные колючей проволокой.

Это не дом. Это тюрьма. Красивая, роскошная тюрьма.

Меня втащили внутрь здания. Прохладный воздух обжёг разгорячённую кожу. Мрамор под ногами. Золото на стенах. Роскошь, которая теперь казалась отвратительной.

Коридоры. Бесконечные коридоры. Повороты. Лестницы. Я пыталась запомнить путь, но голова кружилась, мысли путались.

Наконец мы остановились перед дверью. Один из охранников открыл её, толкнул меня внутрь. Я упала на пол, ударившись коленями.

Дверь захлопнулась за мной с глухим щелчком.

Я лежала, тяжело дыша, пытаюсь сориентироваться. Медленно подняла голову.

Комната. Большая, роскошная комната. Огромная кровать с балдахином. Шкафы. Туалетный столик. Ванная комната за стеклянной дверью. Всё это могло бы быть красивым, если бы не одно но — на окнах были решётки. Тяжёлые, стальные решётки.

И дверь. Я подползла к двери, попыталась открыть. Заперта. Изнутри не открывается.

Клетка. Золотая клетка.

Я села на пол, прислонившись спиной к двери, и заплакала. Рыдала, захлёбываясь слезами, не в силах остановиться.

Что со мной будет? Что они со мной сделают? Почему я здесь?

«Товар», — эхом отзывались слова Карима в моей голове. — «Ты просто товар».

Торговля людьми. Сексуальное рабство. Гарем. Истории, которые я читала в интернете, смотрела в новостях. Я всегда думала, что это случается с кем-то другим. Не со мной. Никогда со мной.

Но это случилось. Это происходит прямо сейчас.

Я не знаю, сколько времени просидела на полу. Может, час. Может, больше. Слёзы закончились, осталось только пустое, выжженное чувство безнадежности.

Я встала, подошла к окну. Решётки были толстыми, прочными. Я попробовала потрясти — не поддавались. За окном — двор, который я видела. Охранники на вышках. Стены. Пустыня за ними.

Даже если я смогу выбраться из этой комнаты, куда я побегу? В пустыню, где температура днём достигает пятидесяти градусов? Я умру за несколько часов без воды.

Я обошла комнату, проверяя каждый угол. Искала хоть что-то, что можно использовать как оружие, как инструмент. Ничего. Всё было либо слишком тяжёлым, либо слишком хрупким.

Я зашла в ванную. Огромная ванна, душевая кабина, раковина. Зеркало. Я посмотрела на своё отражение и не узнала себя.

Передо мной стояла девушка с всклокоченными волосами, опухшими от слёз глазами, запёкшейся кровью на запястьях. Платье было грязным, порванным. Я выглядела как... как жертва. Именно это я и была.

Я умылась холодной водой. Пыталась привести себя в порядок. Зачем? Не знаю. Просто хотелось хоть что-то контролировать.

Прошло несколько часов. Я сидела на кровати, обняв колени, уставившись в пустоту. Мысли метались, как птицы в клетке. Страх, отчаяние, ярость — всё смешалось в один комок, который застрял в горле, не давая дышать.

Вдруг дверь открылась.

Я вздрогнула, инстинктивно отпрянув к изголовью кровати. В дверях появилась фигура.

Женщина. Пожилая женщина в тёмной абайе, полностью закрывающей тело. Лицо открыто — морщинистое, суровое, с жёсткими складками вокруг рта. Глаза тёмные, холодные, оценивающие.

За ней вошли ещё двое. Молодые девушки, тоже в тёмной одежде, с опущенными глазами. Служанки.

Пожилая женщина остановилась посреди комнаты, окинула меня взглядом. Долгим, изучающим взглядом, который заставил меня съёжиться.

— Встать, — приказала она по-английски с сильным акцентом. Голос хриплый, жёсткий, не терпящий возражений. Я не двинулась. Страх сковал меня.

— Я сказала — встать! — повторила она громче, и в её голосе прозвучала угроза.

Я медленно встала с кровати, дрожащими ногами. Женщина подошла ближе, схватила меня за подбородок грубыми, сильными пальцами, повернула моё лицо то в одну, то в другую сторону. Изучала, словно товар на рынке.

— Молодая. Красивая. Славянка, — пробормотала она себе под нос. — Хороший выбор.

Выбор. Снова это слово. Я не выбор. Я человек.

— Отпустите, — прошипела я, пытаюсь вырваться. Но её хватка была железной.

Она отпустила меня резко, и я отшатнулась.

— Слушай внимательно, — сказала она, скрестив руки на груди. — Меня зовут Фарида. Я главная в гареме. Ты будешь подчиняться мне. Будешь подчиняться правилам. Будешь подчиняться *ему*.

Ему. Я знала, о ком она говорит, хотя имени не назвала.

— Я ничего не буду! — закричала я, и голос сорвался на крик. — Это незаконно! Это похищение! Меня ищут! Полиция...

Фарида подняла руку, и одна из служанок шагнула вперёд, держа в руках что-то. Я не успела разглядеть что — её рука взметнулась, и что-то обожгло мою щёку.

Пощёчина. Сильная, жестокая пощёчина, от которой в глазах потемнело. Я упала на колени, прижав ладонь к пылающей щеке.

— Ты будешь молчать, когда я говорю, — произнесла Фарида холодно. — Здесь нет полиции. Нет законов. Есть только воля господина. Саида Халида.

Саид Халид. Это имя. Имя моего мучителя.

Фарида продолжала, её голос был методичным, безжалостным:

— Тебя считают мёртвой. Твой телефон нашли у воды в Дубае. Следы борьбы. Полиция решит, что ты утонула. Через неделю дело закроют. Никто не ищет мертвецов.

Нет. Это неправда. Это не может быть правдой.

— Мои друзья знают! — прохрипела я сквозь слёзы. — Они знают, куда я поехала! Они найдут Карима!

— Карим? — Фатима усмехнулась, но в этой усмешке не было ничего весёлого. — Его в стране нет. Он уехал в ту же ночь. Следов не оставил. Камеры? Отключены. Свидетели? Молчат за деньги. Он призрак, который растворился в воздухе.

Моё сердце сжалось. Каждое её слово било по надежде, разбивая её на мелкие осколки.

— Здесь нет связи, — продолжала она, словно зачитывая список. — Ближайший населённый пункт — три часа езды через пустыню. Температура днём — пятьдесят градусов. Без воды умрёшь за несколько часов. Попытки побега караются. Жестоко караются.

Она сделала паузу, давая словам дойти до меня.

— Одна девушка пыталась. Её нашли через час. Саид Ха-

лид сломал ей руку на глазах у всех. Потом она провела месяц в подвале. Сейчас она послушна, как собака.

Ужас затопил меня, ледяной, парализующий.

— Ты будешь вести себя хорошо, — сказала Фарида жёстко. — Будешь учиться правилам. Будешь служить саиду, когда он призовет тебя. Или будешь страдать. Выбор за тобой.

Выбор. Какой, блядь, выбор?

— А теперь, — Фарида кивнула служанкам, — готовьте её. Она должна быть чистой и красивой. Саид может пожелать увидеть её в любой момент.

Служанки бросились ко мне. Я попыталась сопротивляться, но их было двое, и они были сильнее. Они стащили с меня грязное платье, потащили в ванную.

— Нет! — кричала я, вырываясь. — Не трогайте меня! Не смейте!

Но они не слушали. Затащили в душ, включили воду — сначала холодную, я вскрикнула от шока. Потом горячую. Мыли меня жёсткими мочалками, не обращая внимания на мои крики и попытки оттолкнуть их.

Они мыли каждый сантиметр моего тела — грубо, механично, без тени смущения. словно я была вещью, которую нужно почистить.

Когда закончили, вытерли меня полотенцем, отвели обратно в комнату. На кровати уже лежала одежда.

Не штаны. Не европейская одежда.

Платье. Традиционное длинное платье — галабея из тон-

кого шёлка бирюзового цвета, расшитое золотыми нитями по вороту и рукавам. Красивое, но предназначенное не для меня. Предназначенное для наложницы.

— Надевай, — приказала Фатима.

— Нет, — прошептала я, отступая. — Я не надену это.

Фатима кивнула служанкам. Они схватили меня, начали насильно надевать платье. Я билась, царапалась, но было бесполезно. Они были сильнее, их было больше.

Когда платье было надето, одна из служанок начала расчёсывать мои волосы — грубо, дёргая, не обращая внимания на то, что мне больно.

— Запомни правила, — Фарида говорила, пока меня приводили в порядок. — Ты не выходишь из комнаты без разрешения. Ты не говоришь, пока к тебе не обратятся. Ты называешь господина «саид» или «господин». Ты опускаешь глаза в его присутствии. Ты подчиняешься каждому его приказу. Без вопросов. Без колебаний.

Каждое правило было цепью, которая оплетала меня всё туже.

— Завтра придут другие девушки. Они расскажут тебе больше. Они научат тебя выживать здесь, — Фарида направилась к двери. — Если будешь умной.

Она вышла, служанки за ней. Дверь захлопнулась. Щелчок замка.

Я осталась одна. В чужой одежде. В чужой комнате. В чужой жизни, которую мне навязали силой.

Я подошла к зеркалу, посмотрела на своё отражение.

Передо мной стояла девушка в роскошном платье, с распущенными, аккуратно расчёсанными волосами. Красивая. Как кукла. Как наложница из восточной сказки.

Но глаза. Глаза были полны ужаса, боли и ярости.

Я не узнавала себя. Эта девушка в зеркале — не я. Не Катя из Москвы, мечтавшая о небоскрёбах и свободе.

Это кто-то другой. Пленница. Жертва. Собственность.

Я отвернулась от зеркала, не в силах больше смотреть.

Рухнула на кровать, зарылась лицом в подушку и заплакала. Тихо, безнадежно. Слезы текли и текли, но не принесли облегчения.

Это моя новая жизнь.

Это мой ад.

И я не знаю, выберусь ли я из него когда-нибудь.

Или сломаюсь здесь. Превращусь в ту послушную куклу, которой они хотят меня сделать.

«Нет», — прошептала я в подушку. — «Нет. Я не сдамся. Не стану такой. Никогда».

Но слова звучали пусто. Даже для меня самой.

Потому что внутри, в самой глубине души, я уже чувствовала — это только начало.

Самое страшное ещё впереди.

Я не знаю, сколько часов просидела на полу у двери после того, как ушла Фарида. Может, три. Может, пять. Время потеряло смысл в этой золотой клетке.

Я пыталась кричать. Билась в дверь кулаками, пока косячки не покрылись кровоподтёками. Царапала деревянную поверхность ногтями, пока два не сломались, оставив болезненные рваные края. Вопила до хрипоты, пока голос не превратился в жалкий шёпот.

Но никто не пришёл. Никто не ответил.

Стены поглощали мои крики, словно я кричала в пустоту.

Я пыталась молиться. Я не была религиозной — в нашей семье не было места Богу между счетами за коммуналку и работой по шестьдесят часов в неделю. Но сейчас я цеплялась за любую соломинку.

«Господи, если ты есть, помоги мне. Пожалуйста. Я сделаю всё что угодно. Только верни меня домой. К маме. К папе. К Максиму. Я больше не буду мечтать о большем. Я буду благодарна за свою скромную жизнь. Только спаси меня».

Но Бог не отвечал. Или его здесь не было. В этом месте был только ад.

Я думала о маме. Представляла, как она сейчас — наверное, уже знает, что я пропала. Лера и Настя, должно быть, подняли тревогу. Полиция. Посольство. Они ищут меня.

Но слова Фариды эхом отзывались в голове: *«Тебя считают мёртвой»*.

Мёртвой. Для них я уже мертва. Моя мама рыдает над пустым гробом. Или над закрытым. Или вообще не может похоронить меня, потому что тела нет.

Эта мысль разрывала меня изнутри на куски.

Я перестала плакать. Слезы кончились. Осталась только пустота. Холодная, выжженная пустота там, где раньше было сердце.

Я сидела, обняв колени, уставившись в одну точку, и чувствовала, как что-то во мне ломается. Не сразу — медленно, по кусочкам. Как трещина на льду, которая расползается всё шире и шире.

Наступила ночь. Я не включала свет. Просто сидела в темноте, в этом роскошном платье, которое теперь казалось саваном.

Думала о Кариме. О его улыбке. О его словах. *«Ты особенная. Я чувствую связь»*. Ложь. Всё было ложью. Каждая улыбка, каждое прикосновение, каждый взгляд — всё это было спектаклем. Игрой. Охотой.

А я была дичью, которая сама пришла в капкан.

Ненависть. Я чувствовала ненависть, которая разгоралась во мне, как огонь. Жгучую, всепоглощающую ненависть к этому ублюдку, который играл со мной, как кошка с мышью.

Если бы он был здесь сейчас, я убила бы его. Голыми руками. Вырвала бы ему горло зубами. Выцарапала бы глаза. Я хотела, чтобы он страдал так же, как страдаю я.

Но его здесь не было. Был только я. И моя ярость, которой

некуда деться.

Я не заметила, когда уснула. Просто провалилась в темноту, измождённая, опустошённая.

Проснулась от звука открывающейся двери.

Я вскочила, сердце забилося в бешеном ритме. Темно. В комнате всё ещё темно — только слабый свет из коридора прорезал тьму.

В дверном проёме стояла фигура. Высокая. Мужская.

Страх ударил меня в грудь, острый и пронзительный.

Фигура вошла, и за ней закрылась дверь. Щелчок замка. Я отступила к окну, прижавшись спиной к холодным решёткам.

Свет включился. Резкий, яркий. Я зажмурилась, а когда открыла глаза, увидела *его*.

Мужчина из моих кошмаров. Хотя я видела его впервые.

Высокий — под два метра. Широкие плечи, мускулистое тело под белоснежной кандурой. Лицо — резкое, мужественное, смуглое. Чёрные волосы, коротко стриженные. Борода — густая, ухоженная. Классические арабские черты, красота такая, что дух захватывает и слепит глаза... Но его глаза заставляют застыть... Глаза, которые могли бы быть красивыми. Тёмные, почти чёрные. Холодные. Пустые. В них не было ничего человеческого. Только хищный, оценивающий взгляд.

Он смотрел на меня так, как смотрят на вещь. На предмет. На собственность.

Саид Халид. Это был он. Мой мучитель. Мой тюремщик.

Мой владелец.

Я прижалась к решёткам сильнее, пытаюсь слиться с ними, раствориться.

— Не подходи, — прохрипела я, мой голос сломлен от криков. — Не... не трогай меня.

Он не ответил. Просто стоял, изучая меня. Его взгляд скользил по моему лицу, по телу в этом шёлковом платье, возвращался к глазам.

Молчание длилось вечность. Я слышала только стук своего сердца — бешеный, панический.

Наконец он заговорил. Голос был глубоким, низким, с лёгким акцентом. Английский безупречный, но с восточной мелодичностью:

— Тебе сказали, как меня называть?

Я не ответила. Не могла. Горло сжалось от страха.

Он сделал шаг ближе. Я попыталась отступить, но за спиной была только решётка.

— Я спросил, — повторил он, и в его голосе появилась сталь, — тебе сказали, как меня называть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.